

DOI 10.18522/2415-8852-2023-1-108-117

УДК 821.133.1

КАТЕГОРИЯ СОБЫТИЯ В ПРОЗЕ РОКОКО (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА КРЕБИЙОНА-СЫНА «ЗАБЛУЖДЕНИЯ СЕРДЦА И УМА, ИЛИ МЕМУАРЫ Г-НА ДЕ МЕЛЬКУРА»)

Юрий Игоревич Семенченко

кандидат филологических наук, старший преподаватель Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)

e-mail: yurisenchenko@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3360-7453

Аннотация. Категория события является одной из наиболее проблемных областей теоретического литературоведения. Как в отечественной, так и в зарубежной науке особое внимание уделяется вычленению устойчивого набора так называемых признаков события. Неудивительно, что конкретным историческим материалом, на основе которого иллюстрируются теоретические положения, становится так называемая реалистическая проза, претендующая на максимально достоверное и жизнеподобное воспроизведение объективной действительности, немислимой без захватывающей динамики социально-политических, культурно-исторических и семейно-приватных событий, составляющих жизненный контекст человеческого существования. Отсюда тенденция проецировать выработанные на материале реалистической прозы критерии события и событийности в целом на тексты, построенные на совершенно иных художественных и философско-эстетических принципах.

Роман Кребийона-сына «Заблуждения сердца и ума, или Мемуары г-на де Мелькура» хотя и принадлежит к стадии литературного процесса далекой от реализма как идейно-художественного направления, все же прочно ассоциируется с литературой, ориентированной на референтность изображения. В данной статье с опорой на критерии событийности, сформулированные В. Шмидом в монографии «Нарратология», прослеживается, как событийность «Заблуждений сердца и ума», казалось бы, отвечающая представлениям о поэтике рефлексивного традиционализма, ускользает от описания ее в категориях «непредсказуемости», «консекутивности» и «неповторяемости». Жизнеподобные контуры события действия становятся все более размытыми на фоне углубления повествователя в мотивировку прихотливых движений души главного героя, который, оказавшись в высшем свете, проходит путь от борьбы за самооценку и автономию этико-психологического «Я» до усвоения языковых и невербальных стратегий поведения в обществе.

Ключевые слова: Кребийон, литература XVIII в., поэтика рококо, событийность, саморефлексия

По справедливому замечанию А.Д. Михайлова, творчество Кребийона-сына долгое время считалось предметом интереса досужих интеллектуалов, собирателей древностей и поклонников гривуазных историй [Михайлов: 288]. В отечественной науке интерес к французскому писателю усилился в 1970–1980-е гг. Статья А.Д. Михайлова «Роман Кребийона-сына и литературные проблемы рококо», открывшая том серии «Литературные памятники» (1971), задала один из векторов изучения центрального произведения французского автора – романа «Заблуждения сердца и ума» (“*Les égarements du coeur et de l’esprit*”, 1736–1738): исследователь увидел в нем тщательно собранный и проанализированный материал о придворных нравах эпохи Регентства. Сходные мысли высказывает и М.В. Разумовская в монографии «Становление нового романа во Франции и запрет на роман 1730-х» (1981). Кроме того, исследовательнице, как и некоторым зарубежным ученым (среди них А. Лебретон и А. Куле), видится целесообразным изучать творчество Кребийона-сына в контексте противопоставления его писательской манеры манере Мариво [Разумовская]. Напомним, что последний, в отличие от Кребийона, верил в способность индивида к преодолению себялюбия и проявлению лучших человеческих качеств. Кребийон же на фоне Мариво видится исследователям проповедником гедонистической этики, утверждавшей прин-

цип наслаждения как единственно возможную, биологически детерминированную цель существования рожденного в телесный мир человека.

В последнее время именно поэтика амбивитивности стала предметом обстоятельного изучения многих специалистов по французской литературе. Действительно, амбивитивность проявляется на самых разных уровнях кребийоновских текстов – от несоответствия между этической установкой, даваемой в предуведомлении биографическим автором [Пахсарьян], и ее эстетическим воплощением до попыток героев оправдать свое грубое и эгоцентричное поведение изящными формулировками, выдаваемыми за афористичные истины или объективные законы человеческой природы.

Повышенное внимание к поэтике двойственности у Кребийона вскрыло недостаточность клишированного взгляда на литературу рококо и XVIII в. в целом как на целиком строящуюся на принципе строгого соответствия между знаком и объектами поведнуемого мира. Проблематизация этого принципа особенно проявляется не просто в редукции событийности, но в размывании контуров самого понятия «события».

Цель данной статьи – выделить существенные черты событийности рокайльной романической прозы на материале одного из шедевров французской литературы XVIII в. романа Кребийона-сына «Заблуждения серд-

ца и ума, или Мемуары г-на де Мелькура». Методологической основой стал выделенный Шмидом в монографии «Нарратология» набор признаков «события», среди которых «непредсказуемость», «консекутивность», «необратимость» и «неповторяемость» [Шмид: 12–13].

Фабульная канва «Заблуждений» во многом типична для так называемых романов либертинажа. Главный герой, господин де Мелькур, на момент начала повествования достигает возраста, подходящего для знакомства со светом. Хрупкая утонченность души молодого человека вместе с неискушенностью становятся причиной неудач и оплошностей Мелькура на любовном поприще, мыслимом им в качестве единственного источника отрады чувствительного сердца. Мелькур увлекается подругой своей матери, маркизой де Люрсе – женщиной, которая в молодости славилась не только кокетством, но и вкусом к чувственным удовольствиям. Герой, чье представление о женщинах не позволяло ему надеяться скоро пленить свою возлюбленную, все же решается на любовное признание, оставшись наедине с маркизой. Не получив от госпожи де Люрсе недвусмысленно положительного ответа, Мелькур остается безутешным. Ускользающие от понимания наивного юноши мотивировки поведения госпожи де Люрсе подвергаются детальному анализу со стороны опытного либертена – зрелого Мелькура, рефлексирующего о прошлом.

Признак «непредсказуемости» является отправным для опознания подлинного события как нарушения «доксы». Действительно, какой бы значительной ни была перемена, она не может получить статус события, если является закономерной для выбранного автором способа постановки героя или конфигурации элементов художественного мира. Так, в предуведомлении к «Заблуждениям» биографический автор, обозначая реализованную им развязку сюжета как следствие его этико-эстетических взглядов на романное творчество, казалось бы, лишает Мелькура, главного героя романа, всяких претензий на «автономию» воли, а саму рассказываемую историю обрекает на восприятие читателем как лаборатории будущих романских сочинений. Перипетии салонной драмы Мелькура, поначалу исполнившегося «ложных представлений и недостойных предрассудков», но затем воскрешенного «для добрых чувств достойной женщиной» [Кребийон: 11], предлагаемые читателю биографическим автором, продиктованы попыткой последнего преодолеть традицию романа как *romanse* со свойственным ей изображением невероятных приключений и необыкновенных сходений судеб героев и сделать практические шаги в создании романного сочинения нового типа – зеркала нравов современной эпохи.

И все же «Заблуждения» не приобретают открыто иллюстративного, схематично-теоретического характера именно благодаря

нарушению обозначенной в предисловии этической установки на обретение героем первоначального морального облика: повествование обрывается в момент торжества «добродетели» маркизы де Люрсе, сумевшей не только парировать колкие обвинения Мелькура во лжи и лицемерии, но и внушить обвинителю чувство стыда за дурное мнение о ее сердце. В итоге пламя страсти к маркизе, которое казалось угасшим из-за уязвленного самолюбия, разгорается с новой силой в юноше, вновь обретшем веру в добродетель предмета своей любви. Завершая повествование, автор бегло перечисляет ряд фабульных моментов, связанных с дальнейшей судьбой Мелькура – противоречивость испытываемых им чувств не позволяла, с одной стороны, отказаться от мечты обладать прекрасной Гортензией, с другой стороны – покинуть маркизу.

Отсутствие здесь фабульной реализации «перевоспитания» героя и является подлинным событием, нарушающим горизонт ожиданий читателя. Нельзя не согласиться с М. Бокобза-Каган, которая подчеркивает: «Если всмотреться в текст чуть внимательнее, то можно заметить, как происходит отход от утверждений в самый момент их произнесения и как нарушаются правила игры тем, кто их установил» [Vokobza Kahan: 104]. На поэтологическую значимость противоречивого соотношения между предуведомлением и (или) предисловием указывают

как отечественные [Пахсарьян], так и зарубежные исследователи [Kindt]. Стараниями имплицитного «автора» или нарратора рокайльный текст вовлекает читателя в амбивалентную игру, в которой читатель обречен на бесконечное вопрошание: где текст совпадает с подлинными фактами и событиями, а где лишь намечает связь с ними?

В том, что Мелькур так и не прошел обещанный путь, мы склонны видеть проявление романного принципа незавершенности героя (М. Бахтин): внутренняя слабость и противоречивость юноши, ускользание его «Я» от аналитических формул описания провоцируют читателя, с одной стороны, отказываться от понимания «миссии» Мелькура в диэгесисе как поиска окончательного решения, с другой стороны – постоянно возрождать героя для новых «поисков истины» даже по завершении текста.

Не менее важным требованием для рождения событийности является «однократность» изменения. Само название кребийоновского романа «Заблуждения сердца и ума» настраивает читателя на постепенное прохождение героем жизненного пути, полного удач и неудач, проб и ошибок. Но каковы же истоки этих уклонений? Являются ли они частью самовыражающейся индивидуальности или, напротив, резонируют с меняющимся историко-культурным климатом? Ответ на данный вопрос имеет большое значение для понимания причин

ухода у Кребийона от наррации в сторону описательности.

Обрисуем кратко эволюцию традиции понимания человека и ее отражение во французской литературе XVII–XVIII вв. Классицистическое мироощущение делит реальность на два онтологических плана – идеологический и эмпирический. Первому соответствовал так называемый «общественный человек», второму – «естественный». Именно способность первого осуществлять свою волю на основе разумного свободно-размышления избавляла мир от угрозы быть ввергнутым в хаос случайных событий. Трагедия классицизма с ее конфликтом между долгом и чувством стала социальным институтом воспроизводства готовых образцов поведения, непреложность которых заключалась в самой природе вещей, в разумном стремлении к высшему благу – в отказе от всякой естественной склонности в пользу всеобщего блага и, шире, восстановления вселенской гармонии в условиях послеренессансного кризиса. Разумеется, обозначенный выше идеал гражданственности имел своей главной опорой представление о государстве как о всеобщем благе.

Развернувшаяся на исходе первой половины XVII в. внутривосточная борьба во Франции заставила многих литераторов и философов того времени увидеть в государстве уже не столько воплощение идеи общечеловеческой справедливости, сколько

арену столкновения эгоистических интересов. Литературным воплощением этого разочарования стали трагедии «второй манеры» П. Корнеля, ранее – одного из главных глашатаев идеала «общественного человека». Здесь мы укажем на два основных последствия проблематизации идеи государства как блага: во-первых, утрата веры в возможность обретения оказавшимся перед трагическим выбором героем спасительного прибежища во «внешнем долге», во-вторых, усиление интереса к эмпирике конкретного индивида. И первое, и второе легло на благодатную почву янсенистского видения мира, человека и морали.

Одним из главных образцов классицистического романа является «Принцесса Клевская» Мари-Мадлен де Лафайет: в нем, безусловно, помимо янсенистского взгляда на природу человека, нашли свое воплощение идеи писателей-моралистов (Ларошфуко) и философов XVII в. (Монтень). Роман Мари-Мадлен де Лафайет поставил, по сути, предел героике «общественного человека»: моральная твердость воли давала ему надежду на утверждение самооценности внутреннего мира вопреки диктуемым извне канонам поведения. И все же преодоление Клевской любовного чувства к герцогу Немурскому – это не торжество разума над страстями, это, как справедливо отмечает Н.В. Забабурова, торжество времени, неизбежно стирающего остроту страдания [Забабурова: 258].

Позволим себе забежать вперед, описывая дальнейшее движение литературы по намеченному уже в XVII в. пути исследования глубин человеческих пороков и слабостей. Возникший во Франции на рубеже XVII–XVIII вв. стиль рококо не интересовали ни метафизическая и онтологическая доминанты барокко, ни даже возможность разумного управления страстями. Мир рококо – это мир, философско-идеологической основой которого выступает гедонизм, а субъектной – человек частных переживаний, не чуждый ни эгоистически-индивидуалистических устремлений, порой граничащих с желанием безраздельного властвования над чужой судьбой (герои-либертены, вскрывающие недостаточность аксиологического фундамента личности жертвы), ни компромиссу с принятыми в обществе правилами.

В случае с Мелькуром речь идет о психологической двойственности «Я», которая определяет лабиринтообразный характер начала жизненного пути героя. Мелькур, вступая в высший свет, настойчиво и непреклонно движется к цели во что бы то ни стало обрести истинную любовь, отраду и пристанище напращенного порыва юной чувствительности. При этом он весьма значительно поддается духу времени, будучи восхищен светской непринужденностью Версака. Повествование строится как непрерывный ряд постоянно возобновляемых блужданий и заблуждений Мелькура, количественная множественность

которых призвана сделать образ юноши максимально ускользающим от претендующих на завершенность морально-этических оценок. Конечно, эта принципиальная незавершаемость блужданий вслепую в надежде достичь славы и признания означает, что ни одно из переживаемых Мелькуром событий не является также «консекутивным» в смысле необратимости производимых ими перемен в сознании субъекта.

Не является исключением и ученичество Мелькура у уже ранее упомянутого Версака. Содержание правды о себе, открытой Мелькуру графом в доверительной «беседе», – это, конечно, концентрированное выражение либертеновского мировидения:

«<...> общество не всегда в ладу с моралью, и вы сами не преминете убедиться, что ради одного приходится жертвовать другим. Не лучше ли ... примириться с пороками века или хотя бы приноровиться к ним, чем выставлять на всеобщее обозрение добродетели, которые кажутся смешными и свидетельствуют о дурном тоне» [Кребийон: 220].

Дерзкий повеса и фат, сознательно отказавшийся от «сущности» в пользу «кажмости» – т. е. в пользу личины, призванной помочь надевшему ее человеку не только стяжать славу непревзойденного мастера великосветских дурачеств, но и уберечься от упреков в пошлом намерении противопоставить свое благочестие порочной разнуздан-

ности других, – предстает своего рода проводником Мелькура в высшем парижском свете. Последовавшее за этим «разговором» усиление интереса Мелькура к господствующим в обществе представлениям и вкусам дает некоторым исследователям основания говорить о «Заблуждениях» как о романе антивоспитания. Позволим себе предположение, что наставления записного либертена не меняют самое содержание героя как величины: она остается постоянной, меняется – точнее, расширяется – лишь набор признаков, обеспечивающих ее постоянство и самооткровенность.

И подтверждением тому служит уже знакомая нам сцена встречи Мелькура с маркизой де Люрсе, когда юноша, уже предвкушавший сладость мести и радость триумфа, после обмена репликами с записной кокеткой был вынужден признать, что его поведение нелепо, а нападки на добродетель госпожи де Люрсе не просто абсурдны, но тяжелы и унижительны для женщины, поверившей в искренность чувств молодого поклонника:

«Ее голос звучал так нежно! Она так хорошо описывала силу и искренность своей любви! Каждое слово ее было так проникновенно, что не мог слушать ее без волнения; я испытывал жестокое раскаяние при мысли, что причинил страдание женщине, которая не заслужила этого, хотя бы потому, что была для этого слишком красива» [Кребийон: 249–250].

Итоги проведенного анализа событийности у Кребийона можно сформулировать в следующих выводах:

– «непредсказуемость» перемены положения героя в квазиреальном время-пространстве обуславливается поиском новых форм саморефлексии жанра: отсутствие фабульной реализации намеченного в предуведомлении этико-психологического пути героя сообщает тексту двойственность, проблематизирующую привычное для поэтики рефлексивного традиционализма строгое соответствие между знаком и вещью, между словом и жизненным материалом;

– незавершенность основной коллизии романа переносится прежде всего на главного героя: то, что герой в диегесисе так и не проходит обещанный в предуведомлении путь, свидетельствует о его постановке как «принципиально незавершаемого», т. е. не как субъекта «окончательного решения» или «выполненной миссии», но как субъекта, требующего от читателя своей постоянной пересборки для приближения к разгадке существования частного человека и, шире, негероического субъекта цивилизованного общества;

– наррация «Заблуждений» тяготеет не к событийности, а к описательности в силу двойственности этико-психологического рисунка героя, исключая переживание как «неповторяемых» («однократных»), так

и «консекутивных» событий; перемены, испытываемые героем в процессе развертывания сюжета, носят исключительно количественный характер, не вводят ничего, что могло бы свидетельствовать о становлении образа главного героя, а лишь постепенно раскрывают и без того известные стороны характера Мелькура (от чего его двойственность только усиливается).

Литература

Забабурова, Н.В. Избранные труды. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2017.

Кребийон-сын. Заблуждения сердца и ума, или Мемуары г-на де Мелькура / под ред. А.Д. Михайлова; пер. А.А. Поляк, Н.А. Поляк. М.: Наука, 1974.

Михайлов, А.Д. Роман Кребийона-сына и литературные проблемы рококо // Кребийон-сын. Заблуждения сердца и ума, или Мемуары г-на де Мелькура / под ред. А.Д. Михайлова; пер. А.А. Поляк, Н.А. Поляк. М.: Наука, 1974. С. 287–331.

Пахарьян, Н.Т. ИмPLICITный автор и имPLICITный читатель в романе рококо // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. М.: ИНИОН РАН, 2020, 3 (43), 68–82.

Разумовская, М.В. Становление нового романа во Франции и запрет на роман 1730-х годов. Л.: Издательство ЛГУ, 1981.

Шмид, В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.

Bokobza Kahan, M. (1994). De la seduction dans les Égarments du Coeur et de l'esprit de Crébillon fils. *Revue Romane*, 29 (1), 103–114.

Kindt, T. (2007). L' "auteur implicite". *Remarques à propos de l'évolution de la critique d'une notion entre narratologie et théorie de l'interprétation. Vox-Poetica. Lettres et sciences humaines*. Retrieved from: <http://www.vox-poetica.org/t/articles/kindt.html> (date of access: 05.02.2023).

References

Bokobza Kahan, M. (1994). De la seduction dans les Égarments du Coeur et de l'esprit de Crébillon fils [About the seduction in Strayings of the heart and mind, or memoirs of M. de Meilcour of Crébillon fils]. *Revue Romane* [International Journal of Romance Languages and Literatures], 1 (29), 103–114.

Crébillon fils (1974). *Les égarements du coeur et de l'esprit ou Mémoires de M. de Meilcour* [Strayings of the heart and mind, or memoirs of M. de Meilcour] (A.A. Polyak, N.A. Polyak, Trans.). Moscow: Nauka.

Kindt, T. (2007). L' "auteur implicite". *Remarques à propos de l'évolution de la critique d'une notion entre narratologie et théorie de l'interprétation* [The «implicit author». Remarks on the evolution of the criticism of a notion between narratology and theory of interpretation]. *Vox-Poetica. Lettres et Sciences Humaines* [Vox-Poetica. Letters and Human Sciences]. Retrieved from: <http://www.vox->

poetica.org/t/articles/kindt.html (date of access: 05.02.2023).

Mihajlov, A.D. (1974). Roman Krebijona-syna i literaturnye problemy rokoko [The novel of Crébillon fils and the literary problems of the rococo]. In *Crébillon fils. Les égarements du coeur et de l'esprit* [Strayings of the heart and mind, or memoirs of M. de Meilcour] (A.A. Polyak, N.A. Polyak, Trans.). Moscow: Nauka, 287–331.

Pahsar'yan, N.T. (2020). Implicitnyj avtor i implicitnyj chitatel' v romane rokoko [Implied author and implied reader in a rococo novel]. *Chelovek: Obraz i Suschnost'. Gumanitarnyje*

Aspekty [Man: Image and Essence. Humanitarian Aspects], 3 (43), 68–82.

Razumovskaya, M.V. (1981). *Stanovlenie novogo romana vo Francii i zapret na roman 1730-h godov* [The formation of a new novel in France and the ban on the novel of the 1730s]. Leningrad: LGU.

Schmid, W. (2003). *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury.

Zababurova, N.V. (2017). *Izbrannye trudy* [Selected works]. Rostov-on-Don, Taganrog: Southern Federal University Publ.

Для цитирования: Семенченко, Ю.И. Категория события в прозе рококо (на материале романа Кребийона-сына «Заблуждения сердца и ума, или Мемуары г-на де Мелькура») // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2023. Т. 8. № 1. С. 108–117. DOI: 10.18522/2415-8852-2023-1-108-117

For citation: Semenchenko, Y.I. (2023). The category of an event in rococo prose (on the basis of Crébillon fils's novel "Les égarements du cœur et de l'esprit ou Mémoires de M. Meilcour"). *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 8 (1), 108–117. DOI: 10.18522/2415-8852-2023-1-108-117

**THE CATEGORY OF AN EVENT IN ROCOCO PROSE
(ON CRÉBILLON FILS'S NOVEL "LES ÉGAREMENTS DU CŒUR ET DE L'ESPRIT
OU MÉMOIRES DE M. MEILCOUR")**

Yury I. Semenchko, PhD in Philology, Senior Lecturer, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); e-mail: yurisemenchenko@yandex.ru

Abstract. The category of an event is one of the most problematic areas in the contemporary theoretical literary studies. Both foreign and Russian scholars pay attention to singling out a set of markers of an event. It is no wonder that the so-called realistic prose is usually chosen as the concrete historical material for the illustration of the theoretical concepts due to its claims to the most authentic and realistic reproduction of the objective reality. The later involves the highly dynamic web of the socio-political, cultural, historical and family-private events that set a context of the human existence. Hence there persists a tendency to transpose the criteria of an event and eventfulness, developed on the basis of the realistic prose, on the texts built on different artistic, philosophical and aesthetic premises.

Although Crébillon's novel "Les Égarements du cœur et de l'esprit ou Mémoires de M. de Meilcour" belongs to the stage of the literary process outlying far from realism as an ideologic and artistic movement, it is still closely associated with the literature focused on the referentiality of the depiction. In this paper with the help of the criteria of the eventfulness set out in Schmid's monograph "Narratology" we explore how the eventfulness of "Les Égarements du cœur et de l'esprit", seemingly corresponding to the notions of the poetry of reflexive traditionalism, eludes its description in the categories of "unpredictability", "consecutiveness", and "nonrepeatability". Realistic features of an event are becoming more blurred against the background of the narrator's concentration on motivation of the protagonist's behavior which once in the high society passes the way from the struggle for the autonomy of Self to acquiring verbal and nonverbal behavior strategies.

Key words: Crébillon, literature of XVII century, poetry of rococo, eventfulness, self-consciousness

